

— Господин?

Вэй Ци первым заметил, что с Чу Чанси что-то не так. Тот замер, не отрывая взгляда от собственной руки, сжимавшей рукоять меча. В его всегда ясных, чистых, словно горный ручей, глазах вновь промелькнуло выражение глубокой растерянности.

Точно такое же, как в тот миг, когда он вонзил клинок в императора.

— Да, — Чу Чанси словно очнулся от наваждения, услышав голос, и наконец перевел взгляд на Вэй Ци. — Что случилось?

— Господин, с вами все в порядке?

— Все хорошо.

Чу Чанси приподнял полог кареты, но, уловив в воздухе густой, не развеивающийся запах крови, слегка нахмурился, пытаясь понять, откуда он исходит.

Они ехали по проселочной дороге, маршрут которой был намечен еще месяц назад. Вдоль пути двигалось множество таких же карет, разъезжающихся в разные стороны в разное время — это была уловка, чтобы запутать погоню. Благодаря этому им удалось покинуть пределы императорской столицы, так и не столкнувшись с правительственными войсками.

Небо уже окончательно потемнело. Лунный свет падал на белые одежды Чу Чанси, испачканные кровью. Он опустил голову, глядя на пятна с какой-то отрешенностью:

— Эта кровь...

Сидевший рядом Чжао Цзинъю, увидев его состояние, встревожился:

— Чанси...

Он знал, что Чу Чанси никогда не стал бы убивать Чжао Цзинъюя. Он так оберегал его прежде, и все, что произошло — лишь влияние гу. Если однажды он придет в себя, не станет ли он терзаться виной и раскаянием?

Чжао Цзинъю внезапно пожалел, что посадил ему этот гу. Видя на лице Чу Чанси несвойственную ему прежде растерянность, он почувствовал, как в горле разливается горечь:

— Неважно. Просто переоденься, и все пройдет.

— Хорошо, — Чу Чанси поднял на него взгляд, в котором, казалось, таял иней, и сжал его ладонь, словно доверяя лишь ему одному.

В этот момент он больше не походил на того холодного, отстраненного небожителя, каким был раньше. Теперь он казался обычным человеком, погруженным в мирскую суету, познавшим любовь и ненависть, радость и гнев. Он больше не был безупречным мудрецом, чья душа оставалась чистой, как родниковая вода.

Тысячи нитей страсти опутали его сердце. Он перестал быть собой.

Неужели именно этого он хотел? Чжао Цзинье никогда не думал, что спустя пять лет этот гу окажет на Чанси такое разрушительное влияние. Он не хотел, чтобы все вышло так.

— Что с тобой? — спросил Чу Чанси, заметив его смятение.

— Ничего, — Чжао Цзинье плотно сжал губы. — Эта кровь — не твоих рук дело, не бойся.

Чего ему бояться? Чу Чанси про себя усмехнулся: это ты боишься.

Однако внешне он продолжал погружаться в свои мысли, словно его терзало что-то непостижимое. Он то и дело рассеянно смотрел на свою ладонь, и в этой тишине, в этом пустом взгляде было что-то пугающее.

Вэй Ци, наблюдая за господином, все больше убеждался, что что-то идет не так. Кажется, именно с момента встречи с Ли-ваном господин стал вести себя странно. Разве он не потерял память? Значит ли это, что... память к нему вернулась?

— Господин, вы все вспомнили?

— Вспомнил что? — Чу Чанси посмотрел на Вэй Ци, и взгляд его стал еще более туманным.

— Все, что было в прошлом.

На лице Чу Чанси все еще виднелись следы крови, черты лица оставались все такими же прекрасными, но в глазах теперь будто застыла пелена, скрывающая истинные чувства. Он медленно произнес:

— Нет. Я ничего не помню.

Вэй Ци содрогнулся. Если господин не обрел память, то почему он, увидев Ли-вана лишь однажды, решил поднять меч на императора?

Белоснежные одежды Чу Чанси, прежде безупречные, теперь были осквернены алым, что выглядело невыносимо ярко.

Сидевший рядом Чжао Цзючэнь был не менее потрясен, но в глубине души он понимал причину, и от этого ему становилось лишь страшнее. Он полагал, что Чу Чанси считает, будто любит Третьего принца, лишь из-за воздействия гу. Он планировал сначала расправиться с императором, а затем открыть Чу Чанси правду — тот наверняка ушел бы от Чжао Цзинье, а он нашел бы способ снять проклятие и остаться рядом с ним.

Но он не ожидал, что гу способен так глубоко поразить душу и разум. Если Чу Чанси очнется и поймет, что собственноручно ранил человека, которого когда-то так яростно защищал, как он поступит с ним?

Чжао Цзючэнь все больше тревожился. Он сжал пальцы в кулаки, с ненавистью глядя на Чжао Цзинье. Чувствуя на себе этот недобрый взгляд, Чу Чанси вдруг поднял глаза и холодно посмотрел на него.

Чжао Цзючэнь понял: все кончено.

Чжао Цзинье, казалось бы, добившийся своего, тоже был в отчаянии. Он боялся, что с гу что-то не так. Пять лет назад, когда Чанси был заражен, он лишь проявлял некоторую снисходительность к его действиям, но не было никаких явных знаков привязанности. Чанси никогда не искал его общества, а уж тем более не защищал — напротив, он всегда был ближе к Чжао Цзиньюю. Иначе почему бы ему пришлось бороться с ним за трон наследника?

Но сейчас... что происходит?

Система: Хозяин, что ты творишь? Ты так напугал этих людей.

Чу Чанси все еще смотрел на свою ладонь, продолжая молча играть свою роль, и ответил спокойно:

— Слишком глупый. Помогу ему в последний раз.

Система: Кому?

Чу Чанси: Главному герою. Глуп, как пробка, зря я потратил столько сил.

Система: ...Возможно, он просто слишком сильно тебя любит. В глазах людей ты словно звезда в вышине, а он — обычный человек, конечно, он чувствует себя неуверенно. — Система, что-то заподозрив, добавила: — Но... раз ты решил ему помочь, не стал ли ты слишком мягкосердечным?

Чу Чанси усмехнулся:

— Разве этот гу дает такой эффект?

Система: ...

Какой еще эффект? Если бы он был, то только в отношении Третьего принца. Его хозяин в полном сознании, и это заставляет систему подозревать, не сломался ли гу в его теле.

Чу Чанси, словно прочитав мысли системы, ответил:

— Этот гу влияет только на чувства, но не на интеллект.

Чжао Цзиньюй пришел в себя лишь через три дня. Он узнал, что Е Фэн не смог догнать беглецов: когда император внезапно потерял сознание, Е Фэн был вынужден заняться его спасением, упустив время, и теперь след господина Чу и его спутников окончательно простыл.

Когда он очнулся, рана в груди нещадно болела. Имперский врач сказал, что если бы сердце не было расположено чуть иначе, чем у обычных людей, он бы не выжил.

Ван Цин, стоя в стороне, вытирал слезы:

— Как господин Чу мог поднять на вас руку?

Е Фэн тоже не мог прийти в себя: неужели господин Чу действительно хотел убить императора?

Но Чжао Цзиньюй лишь улыбнулся. Это была улыбка человека, чудом избежавшего смерти, полная облегчения, без тени боли или сомнений.

— Какой еще господин Чу? Мы уже совершили свадебный обряд, он — императрица государства Чжао.

Е Фэн: ...

Неужели император снова сошел с ума?

Ван Цин, не в силах сдержаться, прямо сказал:

— В день свадьбы господин Чу даже не появился... — увидев холодный взгляд императора, он поспешно поправился: — Хотя он и не присутствовал, указ о возведении в сан императрицы был оглашен, так что господин Чу — законная императрица.

Чжао Цзинъюй остался доволен. Лежа на кушетке, он закрыл лицо руками и тихо рассмеялся:

— Как вы думаете, Чанси хотел меня убить?

— Конечно, нет, — выпалил Е Фэн. Хотя факты говорили об обратном, он не мог в это поверить, чувствуя, что за этим скрывается какая-то тайна.

Ван Цин колебался, но стоявшая рядом служанка Чунь Ши смело произнесла:

— Господин бы так не поступил.

— Вот именно. Почему же я в это поверил?

Чжао Цзинъюй, собравшись с силами, сел на кушетке. Несмотря на бледность от потери крови, в его глазах вспыхнул властный огонь. Он низким голосом отдал приказ:

— Задействовать все силы государства Чжао. Обыскать каждый уголок земли, перевернуть все вверх дном, но найти императрицу.

Е Фэн с радостью упал на колени:

— Слушаюсь, Ваше Величество!

Нынешний император напомнил Е Фэну те времена, когда он следовал за опальным наследным принцем, отвоевывая столицу. Тогда, после решающей битвы, великий полководец сказал, что император — прирожденный правитель. Он помнил, как тот сражался в доспехах, с копьем в руках, как под грохот ломающихся ворот он поверг предателей. Его решимость и отвага тогда не знали равных.

Но после того, как господин Чу покинул его пять лет назад, император словно потерял душу, и все изменилось.

Однако сейчас он будто вернулся в те времена. Казалось, удар мечом, нанесенный Чу Чанси, заставил его прозреть. Его дух возродился, и даже в мерцающем свете догорающих свечей его бледное лицо выглядело твердым и решительным. Он внимательно перечитывал свитки, которые когда-то оставил в покоях господин Чу.

В те дни перед свадьбой Чу Чанси, помимо тренировок с мечом, проводил все время за этими записями. Тогда Чжао Цзинъюй понимал лишь отчасти, зная, что тот делает это по просьбе чиновников, ради блага народа, но теперь он понял все.

Независимо от того, помнил ли Чу Чанси что-то или нет, независимо от того, какой гу был в его крови, его чувства никогда не менялись. С самого первого дня, когда он оказался рядом, он учил его быть достойным правителем, не предавать чаяния миллионов людей. Это он сам, поддавшись чувствам, просил о любви, а не получив желаемого, потерял себя и позволил другим воспользоваться своей слепотой.

Он был неправ...

Сердце Чжао Цзинъюя сжималось от раскаяния. Он гладил строки, написанные рукой Чанси, и глаза его наполнились слезами:

— Чанси, дождись меня... умоляю, дождись...

Весь следующий месяц Чжао Цзинъюй строго следовал советам врачей, восстанавливая силы, и неустанно следил за поисками Е Фэна, а в свободное время изучал древние трактаты о гу.

По ночам в покоях не гасли огни. Он просматривал все записи о ядах, которые только мог найти. Хотя он уже почти не сомневался, что гу в теле Чанси — не гу Жизни и Смерти, а что-то связанное с чувствами, он никак не мог найти описание, подходящее под состояние Чанси.

Любовные гу существовали, но они не соответствовали симптомам, поэтому он и не думал об этом раньше.

Что-то похожее на гу Жизни и Смерти, но способное влиять на чувства...

Наконец, на пожелтевшем обрывке страницы он увидел два иероглифа: Шелковая нить. Пальцы Чжао Цзинъюя непроизвольно сжались. Этот гу был почти забыт, так как его разведение требовало тайных методов, а владелец рисковал получить обратный удар.

Дрожащими руками он продолжил читать, но больше не нашел никаких записей. Он уже собирался приказать найти другие книги, как вдруг Е Фэн, несмотря на поздний час, поспешно вошел во дворец.

— Ваше Величество, мы нашли господина Чу.

— Вэй Ци сам вышел на связь и сообщил мне местонахождение.